

«ГДЕ УЖ КНИЖЕ ГОНЯТСЯ за современной информативной мощью?»

Это крайне опасное суждение, которое вызывает у меня не только протест, но и отвращение. В век взбесившегося факта именно литература и искусство, как никогда, могут указать человеку верные ориентиры, помочь ему разобраться в себе и окружающем мире.

Интеллигентный человек не будет смотреть на художественное произведение единственно как на источник информации. Чтение для него отнюдь не только приятное развлечение, оно неизбежно требует равного труда мысли, труда души. Если, конечно, читатель в какой-то мере адекватен писателю.

В жизни наше непосредственное зрительское восприятие часто упрощает явление. Литература же, книга, писательское творчество обнаруживают в нем глубокий смысл, наполняют, обогащают его, таким образом расширяя возможности зрительного восприятия.

Из всего, что я сделал в кино, мне наиболее дороги сценарии, потому что там — слово. А слово всемогуще в передаче образного мира. К сожалению, в процессе последующего воплощения слова в пластические образы кино почти неизбежны компромиссы и утраты. Для меня литература как наиболее всеобъемлющее искусство нацело перечеркивает расхожую поговорочку: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Служа кинематографу и любя его, я утверждаю: литература безгранична в своей мощи и сейчас. Она только внешне отодвинута на третий план телевидением и кино.

Я ЗАКАНЧИВАЮ фильм о Льве Николаевиче Толстом. Все последние годы живу в сфере интересов этого громадного человека. Его мировоззрение было противоречивым. Но все его противоречия сходились в одной точке — в стремлении улучшить род человеческого. Главным на этом пути ему виделось нравственное самоусовершенствование личности.

В каждом из нас должна быть мера самокритики, самоконтроля, самоиронии. Когда человек способен к критике в свой собственный адрес, значит он уже встал на путь самоусовершенствования. Беда, если он эту способность утрачивает. Самодовольство, самоамнистия — первый признак деградации. С этого начались худшие времена Древнего Рима и его распад. Нам бы надо об этом помнить.

К постоянной работе над собой, к самокритике призывает нас наша партия. Самокритика — это прежде всего путь к подлинному самопознанию. Часто этим пренебрегают как неким нравственным излишеством. Критикуют за то, за что можно и не критиковать. Опускают главные недостатки и обрушиваются на себя за крохотные упущения — старый испытанный способ профанации критики.

«**МЫ НЕ МОНАХИ**», — говорят те, кто никаких сдерживающих нравственных законов над собой не признает, будучи внутренне убеждены, что все дозволено. Отсюда последовательная утрата представления о долге, трудовой и нравственной дисциплине. Отсюда и вся система неточных браков, и огромное число разводов. И вот получается, что человеческое «я», требующее своего самоосвобождения, оказывается направленным не на созидание, не на общественно полезное, а на фразного рода чепуху. Нет ничего более нелепого, чем созерцание в ресторанах под оглушительный рев джаза толп в экстазе прыгающих (якобы танцующих) молодых и не очень молодых людей. К сожалению, люди с высшим образованием здесь ничем не отличаются от людей, такового не имеющих. Разве что могут выше прыгнуть или теоретически еще и обосновать, что прыгать надо именно так, а не иначе, дабы вписаться в современный дизайн и кайф.

Отчего это происходит? От малой гуманитарной образованности? От дефицита духовности? Прежде всего — от утраты вкуса. Не надо рассматривать вкус только как признак внешней моды, которая раздражает одного и импонирует другому. За вкусом обычно представляют что-то в масштабах прически или запаха одеколона.

Но вкус — гораздо более широкое понятие, если рассматривать его как социальную категорию. Вкус — это проявление мировоззрения, отношения к жизни, показатель образованности, воспитанности, ума. Часто приходится слышать: «Вам нравится заумная литература, Шекспир, Достоевский, например. А мне — развлекательная. Вам — Бетховен, а мне — то, подо что можно потанцевать. У нас просто разные вкусы, а о вкусах не спорят».

О вкусах не спорят?! Вот уж поистине заблуждение! Именно о вкусах-то и спорят! И спорили с самого начала цивилизации...

Вкусы, безусловно, бывают разные. А вот безвкусица, по сути дела, едина и с трудом поддается дифференциации. Настоящий вкус вырабатывается всю жизнь. Вкус надо учиться у великих мыслителей и художников. Сохранять же во что бы то ни стало свою точку зрения, пусть отсталую, пусть бедную, пусть убогую, но зато свою — мелкобуржуазная привилегия.

У Толстого в «Войне и мире» есть такая сцена. Заканчивается званный вечер у Бергов. Супруги довольны. Еще бы: «вечер был очень хорош и совершенно такой, как и другие вечера... Все было похоже. И дамские, тонкие разговоры, и карты, и за картами генерал, возвышающийся голос, и самовар, и печенье...» Трудно сказать, откуда берутся мещане. Вот и в здоровой, симпатичной семье Ростовых наряду с Наташей, Петей была и такая ветвь — начинающееся мещанство, которое так бесило Толстого.

Чтоб было как у людей! Это сейчас почему-то опять активно принято на вооружение. А ведь, казалось бы, наша жизнь давно стерла, разоблачила эти критерии. Возвращаясь к Толстому, хочется напомнить, что в круг его представлений о добре и зле мещанство входило как априорное зло, как унижение человека до жалкого прожиточного минимума.

КАК-ТО раз наше телевидение организовало в Останкине мою встречу со зрителями. Мне задали вопрос, что я считаю самым главным в человеке.

МОНОЛОГ
О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ

ТОЧКИ ОТСЧЕТА

Фото В. СТЕПАНОВА

Я не задумываясь ответил — ум. Ответ вызвал замешательство в зале, все опешили. Как? Не доброту? Не отзывчивость? Не скромность? Не честность?

Я глубоко убежден, что и доброта, и отзывчивость, и скромность, и честность — производные от развитого ума, им порождаются и им контролируются. Ум — величайший ограничитель человеческих страстей. Прекрасный писатель Василий Быков убедительно показал в своем творчестве, что в условиях войны человек даже на смерть идет от ума. Жертвенность, героизм, — все это от развитого интеллекта и от сознания, подвиг — это исполнение человеком его человеческого долга перед собой и перед людьми. А откуда же осознание своего долга, как не от ума? Тут и гуманитарная образованность очень большую роль играет. Лариса Шепитько в своей талантливой экранизации «Сотников» тоже на этом сделала акцент.

НЕДАВНО мне довелось посмотреть прекрасную картину украинского производства по сценарию Р. Григорьевой об академике Вернадском. Как огромным был интерес к этому человеку, как они поражались у него сцеплялись и выстраивались в одну генеральную линию! Вернадский был одним из создателей грандиозного понятия ноосферы (которые составители нового Советского Энциклопедического Словаря почему-то не сочли нужными в него включить). Коллективный ум человечества представляет собой не только созидательную, но и контролирующую сферу. Ноосфера — это общественное сознание мира, которое регулирует соотношение прогресса и катастрофы. Ноосфера — это сфера ума, которая как теоретическая и охранительная среда находится над биосферой и как бы опоясывает ее.

Понятие Вернадского все больше и больше входит в нашу жизнь и в литературу. Борьба миллиардов людей на земле за сохранение мира есть самое прямое свидетельство ноосферы. Достаточно вспомнить английский женшин, патрулирующих подходы и базам американских ракет. В космической линии романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок» понятие ноосферы нашло свое отражение в паритетном сотрудничестве двух великих деревьев как осуществлении надежды человечества.

Я САМЫМ наилучшим образом отношусь к творчеству Ч. Айтматова. Что привлекает меня в этом писателе? Привлекает ум. Природа наделила его очень обширным умом. А ум в современной литературе — это все-таки главная ценность. Ум, а не всякого рода эмоциональные приспособления, более или менее эффективные, на что еще порой бывает падох современный читатель. Русская литература никогда не строилась на внешних эффектах, на всех этих мелодраматических ухищрениях, в основе нашей литературы всегда лежал правдивость и глубина идеи и образа.

Почему велик Шолохов? Почему он потряс общество, даже враждебное нам? Потому что его герои диалектичны по самой своей природе. Было время, когда это вызывало даже и у нас известное раздражение. «Тихий Дон» я хотел тогда всячески отговаривали: зачем, дескать, нам нужна столь подробная история жизни гамлетизирующего казачка? А ведь речь шла о диалектике времени, о характерах великой эпохи. Именно этим был силен и велик Шолохов.

Конечно, Григорий Мелехов в каноническом смысле понятия не герой. Он не

укладывается ни в какой ранжир, он пролил немало крови своих братьев. Тем не менее жаждо истины и стремление найти свое место в жизни если не оправдывают его, то во всяком случае открывают истинную картину века. Они открывают все то, что нужно знать, чтобы жить на этом свете, понимая его. Роман Шолохова тем и велик, что он рассказал правду о той немисливой, но и грандиозной эпохе, с которой начался новый счет времени.

А правда истории лучше всего воспитывает людей. Как и всякая правда.

КОГДА-ТО авторитеты для ребенка начинались в семье. Теперь воспитание человека в основном происходит в школе. Колоссальную роль в этом плане играют литература и история.

Литература вошла в школы сразу, как только человечество их создало. Она слишком большое явление в человеческой цивилизации, чтобы оставаться в стороне от общеобразовательного и воспитательного процесса. В школах античности она имела характер первоисточника, категорического влияния. Потом ее преподавание стали придавать все более и более шаблонные канцелярские формы, и в результате она заняла более чем скромное место в ряду других дисциплин.

В нынешней реформе школы, которую мы все так долго ждали, представляется, что главные изменения должны затронуть именно литературу. Выше всех других должна быть поднята роль учителя нашей родной словесности. Ибо именно от него в наибольшей степени зависит нравственно-эстетическое воспитание ребенка, подростка, человека-созидателя. Вспомним, сколько современных наших писателей признавались в том, что первоисточником в их жизни сыграл именно учитель литературы. И не только литературы. Вспомним, какое воздействие на юного Пушкина в Лицее, на формирование гражданских, этических и эстетических представлений оказал Кунинцын, профессор нравственных наук.

Русская литература бесконечно богата. Мы даже не представляем, сколько она таит в себе сокровищ. Читаем только первый ряд имен, ну, второй. А третий? Четвертый? Да ведь там такие писатели в этом нашем четвертом ряду, что, пожалуй, не одна иная национальная литература могла бы нам позавидовать! А мы и великих знаем недостаточно. Спроси кого хочешь, что он любит у Толстого, — скажет: «Войну и мир», «Анну Каренину», и то неизвестно: он их прочитал или в кино посмотрел. А вот Альберт Эйнштейн сказал, что во всей мировой классике его самая любимая вещь — рассказ Толстого «Много ли человеку земли нужно». А многие ли его читали, этот рассказ, многие ли помнят, о чем он?

Скажут, времени нет еще и такие мелочи читать. А вот совсем и не мелочи. Это, пожалуй, наиболее программное произведение Л. Н. Толстого. Там поставлен главный философский вопрос. Вопрос о жизни и смерти. А кроме того, затронут еще и глубокое социальное явление, которое мы сейчас частично наблюдаем. Потребность лишнего. Когда человек нуждается, с точки зрения прагматика, в «лишнем» — то есть в музыке, чтении, умной беседе, — это говорит о его высоком социальном вкусе. А когда ему потребно бесконечное накопление предметов, да еще все большей стоимости, то это начало всяческого безобразия...

Комфорт как основная мера благоденствия. Хорошо это или плохо? Во всяком случае все к нему в домашнем обиходе

стремятся. В Америке никто на следующий этаж по лестнице не только не поднимется, но и не спустится, будет терпеливо ждать лифта.

Люди вне комфорта уже не мыслят счастья. Между тем комфорт хорош только тогда, когда не делают из него культу.

А насчет нехватки времени — время для чтения, причем спокойного, не урывками, надо отыскивать. Пусть даже в чем-то другом себе отказывая. Но лишиться себя чтения нельзя, так же как жить без пищи и питья. Одно смертельно для тела, другое — для души.

ЧТО Я ЧИТАЮ? Последние годы это более всего Толстой и литература о нем. Я дожил до такого возраста, когда становится особенно понятным, что в любой книге самое интересное и важное не сюжет, а автор. Самое большое счастье — прикоснуться к человеческому гению и понять его. Хотя бы сосуществовать с ним, если не погружаться в него целиком. Я уже говорил это, но буду повторять всю оставшуюся жизнь.

Мои любимые поэты — Блок, Пастернак, Заболоцкий и, конечно же, Пушкин. Чтение Пушкина не прерывается у меня ни на день. Это нескончаемый разговор с поэтом и человеком. В любом настроении, в любой степени усталости в него погружаешься, чтобы просто облегчить душу. Пушкин — это то благо, та степень гармонии, которая завещана нам природой и историей в порядке утешения от несовершенств и бед человеческих. Это как лекарство для души.

Меня часто спрашивают, почему я, в последнее десятилетие обратился к истории, к экранизации литературной классики. Ответ простой. Я решил отдать дань любимым книгам, пока еще есть силы. Я бесконечно люблю «Красное и черное», хотя не могу сказать, чтобы Стендаль был для меня учителем на все случаи жизни. Шекспир, Бальзак, Флобер, Драйзер, Мериме не менее почитаемы мною. Мои фильмы «Красное и черное» и «Петр Первый» — это просто дань любимым книгам, а отсюда и их героям, и их концепциям. Я всю жизнь мечтал поставить «Кармен», уже начинал работать с мексиканцами, но судьба рассудила по-иному.

Я люблю и нашу современную литературу. Всех живых не перечислишь, в каждой национальной литературе есть свои отличные прозаики и поэты, но из ушедших Ф. Абрамов и В. Шукшин, каждый по-своему, мне особенно близки. Студенты нашей мастерской для своих учебных фильмов постоянно обращаются к их произведениям. И это наиболее прямое свидетельство глубокого уважения к их творчеству, к тому большому делу, которое делает вся наша литература в целом.

Из молодых мне хотелось бы назвать и рекомендовать всем Владимира Маканина. За последние годы он очень углубил свое дарование. Ему пришлось много пережить, и видно, что он многое передумал.

Стараюсь просматривать наши журналы: «Новый мир», «Наш современник», «Иностранная литература». С интересом заглядываю во вторую половину этих журналов и замечаю, что публицистика, литературоведение теперь порой бывают ярче представлены, чем поэзия и проза.

«Новый мир» у нас по-прежнему журнал-лидер, он больше других печатает то, что ближе всего стоит к первой полке.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ наших писателей все теснее связывается с кинематографом. Экранизируются их произведения, сами писатели пишут сценарии. В. Маканин вообще начинал как сценарист. Наконец, находят свое выражение и более глубокие связи литературы и кино. Евгений Евтушенко, называя себя кинематографом, уже как режиссер. Его фильм «Детский сад» — это своеобразный протест против канонического кинематографа. Я не сторонник точной зрения, что фильмы должны делать только профессионалы. В искусстве все же важнее всего не профессия, а степень одаренности. По ней и должен идти счет. Если одаренность велика, она прорвет себя во многом. И пусть с неизбежными издержками, но обнаружит силу образного выражения, мысль. Разумеется, это дорога не для каждого. Но ведь в конце концов в истории мирового искусства сколько было великих неординарностей! И если такой одаренный человек, как Евтушенко, имеющий искреннюю и глубокую гражданскую позицию, почувствовав потребность, имел возможность сделать фильм, — то это, на мой взгляд, имеет право на жизнь.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ мне хочется сказать вот что. Я не могу считать каждый новый возрастной этап поводом для ревизии прежних своих позиций. В нашей советской истории, которой сейчас более шестидесяти лет, были разные периоды, разные эпохи. Вглядываясь в прожитое, видишь всю драматичность нашей общей судьбы, но прежде всего испытываешь к ней великое уважение. Охватить же и сетовать — ах, не то делали, ах, не туда шли — и стыдно, и смешно. Этого от меня не дождутся ни враги, ни друзья. Для этого я слишком уважаю свою биографию и биографию своей страны и имею для этого все основания.

Мы с женой вступили в партию в осажденном Ленинграде. Это был своеобразный протест против фашизма. Сейчас, по прошествии более чем сорока лет, я не только не отривизовал бы это решение, наоборот — укрепил бы его. Мне страстно хочется в своей системе отношений с новым поколением донести это до сознания каждого. Сейчас нет места выбору. История убедительно доказывает, что единственный реальный путь спасения — нации уже, не поколения, а всей планеты — это путь коммунизма.

Против нас ведется оголтелая, сатанинская пропаганда. Жонглируют пошлыми квазиистинами, всякого рода шелухой — и словесной, и идейной. При обширности нынешних коммуникаций это может пагубно влиять на сознание современного поколения. И тут надо всеми средствами разъяснять, что с точки зрения истории это злоумышленное надувательство, что альтернативы коммунизму не существует.

Многое прожито длинная жизнь, но все же остается ощущение, что сказано еще не все, что должно сказать своим делом. Хочется еще найти и представить людям те неодолимой убедительности аргументы, которые помогли бы им разобраться в себе и окружающем и найти силы противостоять катастрофе, нависшей над землей.